

крестьянского хозяйства при более низкой, сравнительно с тяглой землей, норме отчуждения прибавочного продукта. Есть некоторые указания на то, что с «посторонних помещиковых земель» крестьяне села Боровичи платили в монастырь восьмой сноп.¹⁷² Но, видимо, такой порядок не был повсеместным. Важно, что вотчинник в известных случаях вынужден был не препятствовать крестьянам поддерживать и укреплять свое хозяйство арендой на стороне.

Поскольку речь идет об оброчных арендуемых крестьянами черных землях, следует отметить, что арендаторы стремились обратить их в свое наследственное владение и иногда это им удавалось.

Н. Е. НОСОВ

О ДВУХ ТЕНДЕНЦИЯХ РАЗВИТИЯ ФЕОДАЛЬНОГО
ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ РУСИ
В XV—XVI вв.

(К постановке вопроса)¹

Крупное землевладение — основа феодального строя. Так было в период становления и развития феодализма в большинстве европейских государств, но крайней мере до XV—XVI вв. Дальнейшая история европейского континента таит в себе серьезные перемены. В наиболее развитых европейских странах уже с XVI в., с развитием промышленности и городов, явно заметны тенденции к «обуржуазиванию» феодальной собственности, в других еще побеждает феодальная реакция. Последний процесс нередко трактуют как «рефеодализацию». Я не уверен, что это определение правильно. Но я согласен с теми исследователями, которые

¹⁷² ЦГИА СССР, ф. 815, оп. 4, д. 25 (1727 г.), л. 1 об.

¹ В основе настоящей статьи лежит мой доклад по вопросам истории феодального землевладения в России XV—XVI вв. на V Международном конгрессе экономической истории в Ленинграде в августе 1970 г. Статья непосредственно связана и с другой моей работой — «Русский город и русское кучество в XVI столетии. (К постановке вопроса)» (в кн.: Исследования по истории социально-политической истории России. Л., 1971, с. 152—177). Цель обеих статей — показать на примере как русской аграрной истории, так и, особенно, истории русского города борьбу двух тенденций в развитии социально-экономического строя России XV—XVI вв., а именно феодально-крепостнической (по преимуществу дворянской) и буржуазной (крестьянско-посадской). Эта проблема очень сложна и крайне слабо разработана в советской и зарубежной историографии. Поэтому, предлагая в порядке дискуссии свое решение поставленных в статье вопросов, я стремился привлечь внимание исследователей на необходимость их дальнейшего аналитического изучения. Именно это мне хочется подчеркнуть.

подчеркивают особую роль в этом процессе «нового» дворянства.²

В отношении русской истории обычно принято считать (во всяком случае подобное мнение господствует в новейшей историографии), что процесс зарождения новых буржуазных связей не затронул аграрного строя России XV—XVI вв., в которой именно в этот период утверждаются такие феодальные институты, как поместная система и крепостничество. А это в свою очередь тормозит рост русской промышленности и городов — основных социальных ячеек нового общественного уклада.

Этот вывод ненов и обусловлен, конечно, далеко не только историографической традицией, как правило, акцентирующей внимание на особом пути развития России, но и рядом объективных факторов экономического и политического порядка.

В данной статье я остановлюсь лишь на двух, но, пожалуй, наиболее кардинальных вопросах русской аграрной истории XV—XVI вв., а именно на происхождении поместной системы, с одной стороны, и судьбах черной волости — с другой. Заранее отмечу, что предлагаемую мной трактовку вопроса я рассматриваю только как одно из возможных решений этой большой, сложной и дискуссионной темы.

* * *

На рубеже XIV—XV вв. феодальное землевладение Северо-Восточной Руси достигло весьма высокой степени развития, хотя его формы, применительно к отдельным районам, довольно существенно различались между собой. Но в целом — и в этом, пожалуй, солидарны все советские и зарубежные исследователи аграрной истории России — на Руси в этот период господствовало крупное вотчинное землевладение, представленное владениями великих и удельных князей, а также боярщинами и церковными землями. Главным противовесом феодального землевладения были общинные и крестьянские земли, входившие в состав черных волостей. Даже позднее, в конце XV—начале XVI в., черным волостям принадлежали огромные массивы земель.

В то же время общее знакомство со структурой феодального землевладения в России, как она сложилась к началу XV в., дает основание говорить о двух основных путях его развития — московском, характерном для земель Великого Московского княжения и соседних ему княжеств Волжско-Окского междуречья (по позднейшей терминологии, земель Замосковского края), и новгородском, характерном для Северо-Запада и Севера Руси (земли

² Е. Топольский. Рефеодализация в экономике крупных землевладений в Центральной и Восточной Европе. Доклад на V Международном конгрессе экономической истории в Ленинграде 10—14 августа 1970 г. М., 1970.

Дело в том, что, как показано в работах советских медиевистов по истории социально-экономических предпосылок образования Русского централизованного государства (Б. Д. Грекова, С. В. Бахрушина, М. Н. Тихомирова, П. П. Смирнова, Г. Е. Кочина, А. М. Сахарова и особенно Л. В. Черепнина и его учеников), примерно с конца XIV в. почти на всей территории России имеет место сперва медленный, а потом все более интенсивный экономический подъем. Восстанавливается сельское хозяйство, в котором окончательно утверждается трехполье, растут города, ремесло, активизируется внутренняя и внешняя торговля, причем уже в XV в. это особенно сильно сказывается на московских землях — центре Великороссии. Все это требовало большей мобильности и свободы частного землевладения, расширения прав продажи и купли земель, изменения форм и характера эксплуатации крестьянства. В то же время господствующая в центральных районах страны сословно-иерархическая структура земельной собственности сковывала этот процесс, вернее, придавала ему тот характер, который в первую очередь отвечал потребностям великокняжеской власти и служилого сословия (бояр и дворян), в среде которых все большее место занимают держатели не родовых, а служилых вотчин. Стремясь максимально усилить военную мощь государства, а тем самым и свою власть, великие московские князья не только не расширяют права вотчинников, но, наоборот, стремятся ограничить крупное вотчинное землевладение и даже более — начинают практиковать раздачу княжеских земель служилым людям в поместья, т. е. во временное держание за военную службу; населяющие же поместья крестьяне становятся «крепки земле».

Так, в «своих интересах» и «своими руками» ренали широкие слои русских феодалов (особенно дворянство) проблему вранствия аграрного строя России в новую экономику.

Указанная земельная практика, как достаточно наглядно показывают хотя бы работы С. Б. Веселовского,⁴ зародилась еще

---

⁴ Имеется в виду известная монография С. Б. Веселовского «Феодалное землевладение в Северо-Восточной Руси» (М.—Л., 1947), в которой автор специально рассматривает вопрос о зарождении в России поместной системы. Интересный материал о поместном землевладении приводится и в исследовании С. Б. Веселовского «Село и деревня в Северо-Восточной Руси XIV—XVI вв.» (М.—Л., 1936). Из позднейших наиболее крупных работ, непосредственно касающихся возникновения и развития поместной системы в отдельных районах России, укажем монографии А. И. Копанева «История землевладения Белозерского края XV—XVI вв.» (М.—Л., 1951) и Ю. Г. Алексеева «Аграрная и социальная история Северо-Восточной Руси XV—XVI вв.» (М.—Л., 1966), содержащие материалы по землям Русского Севера — Белозерскому краю (А. И. Копанев) и Московского центра — Переяславскому уезду (Ю. Г. Алексеев). Наконец, следует особо отметить и уже указанный коллективный труд — «Аграрная история Северо-Запада России», в котором приводятся обобщенные данные писцовых книг о становлении поместной системы на территории Новгородской (включая Подвинье) и Псковской земель.

Новгородской республики, ее поморских колоний и Псковщины. Для Москвы типичны развитая феодальная иерархия, сочетание крупного княжеского землевладения (домениальных владений великих и удельных князей) с боярскими землями при условии ограничения владельческих прав боярства даже на родовые вотчины; для Новгорода и Пскова — отсутствие княжеского землевладения и нахождение основных вотчинных земель в безраздельной собственности самого боярства. Значительно шире на новгородских землях — это убедительно показывают исследования Л. В. Даниловой и В. Н. Бернадского по истории Новгорода XV в. — и практика владения землей купечеством и горожанами.³ На московских же землях, наоборот, — тенденция к корпоративной замкнутости феодальной земельной собственности по преимуществу лишь в руках княжеских вассалов, несущих военную службу (бояр и дворян).

Отсюда, наконец, и различия в судьбах крестьянского землевладения. В центральных районах Северо-Восточной Руси (и в первую очередь на землях Великого Московского княжения) крестьянская земельная собственность ограничивается значительно более радикально, чем на новгородских землях, и сохраняется по существу только на территории черных волостей. И хотя социально-экономическое развитие крестьянства XIV—XV вв. там и тут проходит примерно с одинаковой интенсивностью, результаты его для судеб московской и новгородской деревни были отнюдь не адекватны. Разложению старой сельской общины сопутствует и развитие института «своеземцев» (полукрестьян-полуфеодалов). И тут тоже своя тенденция. Во всяком случае на новгородских землях этот институт получил значительно большее развитие, чем в центре, а в Поморье даже превратился (правда, уже в начале XVI в.) именно в ту социальную среду, в которой наиболее рано зарождаются буржуазные связи.

Таковы основные черты феодального землевладения Северо-Восточной Руси примерно до середины XV в., когда по мере объединения русских земель вокруг Москвы и образования Русского централизованного государства все более явственно выступают тенденции к распространению и на новгородские земли московских порядков. Обусловливалось это не только политическими причинами (успехами московской политики), но и причинами экономическими.

³ Л. В. Данилова. Очерки по истории землевладения и хозяйства в Новгородской земле в XIV—XV вв. М., 1955; В. Н. Бернадский. Новгород и Новгородская земля в XV веке. М.—Л., 1961. О землевладении в новгородских двинских колониях см.: Н. Н. Покровский. К истории крупного светского землевладения в Двинской земле XV—XVI вв. — Вестн. Моск. ун-та, ист.-филол. сер., 1956, № 2. Интересный материал по этим вопросам приводится и в коллективном труде «Аграрная история Северо-Запада России. Вторая половина XV—начало XVI в.» (Л., 1971).

Дело в том, что, как показано в работах советских медиевистов по истории социально-экономических предпосылок образования Русского централизованного государства (Б. Д. Грекова, С. В. Бахрушина, М. Н. Тихомирова, П. П. Смирнова, Г. Е. Кочина, А. М. Сахарова и особенно Л. В. Черепнина и его учеников), примерно с конца XIV в. почти на всей территории России имеет место сперва медленный, а потом все более интенсивный экономический подъем. Восстанавливается сельское хозяйство, в котором окончательно утверждается трехполье, растут города, ремесло, активизируется внутренняя и внешняя торговля, причем уже в XV в. это особенно сильно сказывается на московских землях — центре Великороссии. Все это требовало большей мобильности и свободы частного землевладения, расширения прав продажи и купли земель, изменения форм и характера эксплуатации крестьянства. В то же время господствующая в центральных районах страны сословно-иерархическая структура земельной собственности сковывала этот процесс, вернее, придавала ему тот характер, который в первую очередь отвечал потребностям великокняжеской власти и служилого сословия (бояр и дворян), в среде которых все большее место занимают держатели не родовых, а служилых вотчин. Стремясь максимально усилить военную мощь государства, а тем самым и свою власть, великие московские князья не только не расширяют права вотчинников, но, наоборот, стремятся ограничить крупное вотчинное землевладение и даже более — начинают практиковать раздачу княжеских земель служилым людям в поместья, т. е. во временное держание за военную службу; населяющие же поместья крестьяне становятся «крепки земле».

Так, в «своих интересах» и «своими руками» решали широкие слои русских феодалов (особенно дворянства) проблему вращаения аграрного строя России в новую экономику.

Указанная земельная практика, как достаточно наглядно показывают хотя бы работы С. Б. Веселовского,⁴ зародилась еще

---

⁴ Имеется в виду известная монография С. Б. Веселовского «Феодалное землевладение в Северо-Восточной Руси» (М.—Л., 1947), в которой автор специально рассматривает вопрос о зарождении в России поместной системы. Интересный материал о поместном землевладении приводится и в исследовании С. Б. Веселовского «Село и деревня в Северо-Восточной Руси XIV—XVI вв.» (М.—Л., 1936). Из позднейших наиболее крупных работ, непосредственно касающихся возникновения и развития поместной системы в отдельных районах России, укажем монографии А. И. Копанева «История землевладения Белозерского края XV—XVI вв.» (М.—Л., 1951) и Ю. Г. Алексеева «Аграрная и социальная история Северо-Восточной Руси XV—XVI вв.» (М.—Л., 1966), содержащие материалы по землям Русского Севера — Белозерскому краю (А. И. Копанев) и Московского центра — Переяславскому уезду (Ю. Г. Алексеев). Наконец, следует особо отметить и уже указанный коллективный труд — «Аграрная история Северо-Запада России», в котором приводятся обобщенные данные исцовых книг о становлении поместной системы на территории Новгородской (включая Подвине) и Псковской земель.

в середине XV в., но приобрела массовый характер лишь с конца века, когда после взятия Новгорода Иван III произвел конфискацию земель новгородского боярства и роздал их наряду с новгородскими оброчными землями московским боярам и дворянам в качестве поместий. В XVI в. поместное землевладение широко насаждается Василием III и Иваном IV на тверских, рязанских и псковских землях, а потом и в центральных районах страны за счет преимущественно дворцовых и вотчинных земель (конфискуемых у удельных князей и бояр). Церковные земли избежали подобных массовых изъятий, хотя вопрос об их секуляризации дважды стоял на церковных соборах — в 1503 и 1551 гг. Но наибольшего размаха этот процесс достиг в годы опричнины (1564—1572 гг.), когда Иван IV провел массовую конфискацию княжеских и боярских вотчин и передал их в поместья дворянам, а главное, почти полностью ликвидировал волостное землевладение в центральных районах страны. Черные земли пошли в раздачу помещикам, частью — в монастыри, в руках которых в середине XVI в. была сосредоточена уже почти $\frac{1}{3}$ всех частновладельческих земель. Так, поместья и монастыри «съели» крупную светскую вотчину, а заодно и большинство черных волостных земель. Поместная система, казалось бы, восторжествовала, преуспевала и монастырская вотчина.

Подобное «наступление» поместной системы большинством исследователей феодальной России XVI в. трактуется как явление экономически неизбежное и в конечном счете *прогрессивное*. Впервые в наиболее развернутом виде мысль о «государственной необходимости» поместной системы (а равно и крепостничества) была высказана С. Ф. Платоновым⁵ и развита рядом его учеников (в частности, С. В. Рождественским⁶). Как дворянский «аграрный переворот» XVI в. (переход от натурального к товарному хозяйству) трактовал победу поместной системы в России и М. Н. Покровский, хотя и подходил к ее оценке с принципиально иных (антикрепостнических) позиций.⁷ Позднее в совет-

---

Что касается общей оценки образования и тенденций развития поместного землевладения как новой основной формы феодальной собственности периода образования Русского централизованного государства, то в наиболее развернутом виде она дана Л. В. Черепнинным в статье «Основные этапы развития феодальной собственности на Руси (до XVII века)» (Вопросы истории, 1953, № 4, с. 60 сл.) и развита применительно к концу XV в. в его известной монографии «Образование Русского централизованного государства в XIV—XV веках» (М., 1960, с. 178—194).

⁵ С. Ф. Платонов. Очерки по истории смуты в Московском государстве XVI—XVII вв. М., 1937, с. 120—121, 125, 137.

⁶ С. В. Рождественский. Служилое землевладение в Московском государстве XVI века. СПб., 1897.

⁷ М. Н. Покровский. Русская история с древнейших времен. Т. I. ОГИЗ, 1933, с. 161—176, 232. Ср.: М. П. Покровский. Русская история в самом сжатом очерке. Ч. I и II. М.—Л., 1931, с. 53—64. С переходом от «господствующего» в России XVI в. «натурального сельского

ской историографии 40—60-х годов тезис о «дворянской революции» XVI в. был снят, но сам факт введения поместной системы и сейчас характеризуется большинством исследователей как явление прогрессивного плана. Именно такая точка зрения проводится в трудах Б. Д. Грекова, И. И. Полосина, И. И. Смирнова, Л. В. Черепнина, А. А. Зимина, Р. Г. Скрынникова, В. И. Корецкого, З. К. Янкель и до сего времени является, пожалуй, наиболее распространенной в историографии по истории феодальной России.⁸ Примерно так же оцениваются в новейшей историографии подобные же изменения — укрепление фольварка — поместья — и в аграрном строе других стран Восточной Европы XVI в.⁹

В обоснование этой точки зрения обычно ссылаются на то, что помещики, а они уже в XVI в. представляли в своем большинстве землевладельцев «средней руки», более активно, чем крупные светские вотчинники в лице князей и бояр, приспособливали свое хозяйство к новым экономическим условиям и в первую очередь

хозяйства к меновому» связывает развитие поместного землевладения и А. А. Рожков (см.: А. А. Рожков. Сельское хозяйство Московской Руси в XVI веке. М., 1899, с. 469, 471, 472—476). О поместной системе с крестьянской барщиной как особой форме товарного хозяйства, утвердившейся с XVI в., пишет также Б. Н. Тихомиров (Б. Н. Тихомиров. Проблемы вторичного закрепощения крестьян и крестьянский выход. Историк-марксист, 1932, № 3, с. 122—131).

⁸ Б. Д. Греков. 1) Главнейшие этапы в истории крепостного права в России. М.—Л., 1940, с. 31—32; 2) Крестьяне на Руси, кн. 2. М., 1954, с. 43—62; 3) Краткий очерк истории русского крестьянства. М., 1958, с. 147—155; И. И. Полосин. Социально-политическая история России XVI—начала XVII в. М., 1963, с. 34—52, 129—132; И. И. Смирнов. 1) Восстание Болотникова. 1606—1607. Л., 1949, с. 36—38 и сл.; 2) Очерки политической истории Русского государства 30—50-х годов XVI века. М.—Л., 1958 (Введение и гл. 8 и 9); Л. В. Черепнин. Основные этапы развития феодальной собственности на Руси (до XVII века), с. 60—61; А. А. Зимин. Реформы Ивана Грозного. М., 1960, с. 81—82, 90; Р. Г. Скрынников. 1) Экономическое развитие новгородского поместья в конце XV и первой половине XVI в. — Учен. зап. Лен. гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена, 1957, т. 150, вып. 1, с. 3—37; 2) Рост барской запашки и развитие барщины на новгородских поместных землях в 50—70-х гг. XVI века. — Учен. зап. Ленингр. гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена, 1959, т. 188, с. 279—293; В. И. Корецкий. Закрепощение крестьян и классовая борьба в России во второй половине XVI в. М., 1970, с. 21, 25, 30—32 и сл.; З. К. Янкель. О некоторых вопросах «второго издания» крепостного права и социально-экономическое развитие барщинного поместья в России. — Исторические записки, 1965, № 78.

⁹ Б. Д. Греков. Перестройка сельского хозяйства и судьба крестьян в Европе XVI века. — Известия АН СССР, сер. ист. и филос. Т. V, № 1, 1948; С. Д. Сказкин. Основные проблемы т. н. «второго издания» крепостничества в средней и восточной Европе. — Вопросы истории, 1958, № 2; В. В. Дорошенко. 1) Очерки аграрной истории Латвии в XVI в. Рига, 1960; 2) «Модель» аграрного строя Речи Посполитой XVI—XVII вв. — В кн.: Ежегодник аграрной истории Восточной Европы за 1965 г. М., 1970; Zs. P. P a c h. The Role of East-Central Europe in international Trade (16th and 17th centuries). Etudes Historiques. 1970 (Изд. АН Венгрии).

к развивающимся рыночным связям. Они активнее заводят барскую запашку и тем самым повышают производство товарного хлеба, а главное, добиваются государственного закрепощения владельческих крестьян, которые все чаще переводятся с оброка на барщину. Отмечается в историографии и значение поместной системы в хозяйственном освоении новых целинных земель, особенно на юге страны. Последний фактор Л. В. Черепнин считает даже одним из главных для России XVI в.¹⁰ Трудно оспаривать указанные положения. Многочисленные исследования советских ученых по аграрной истории XV—XVI вв. действительно дают материал, подтверждающий указанные тенденции поместного хозяйства XVI в. Правда, с одной существенной оговоркой. О сравнительно широком развитии барщины на поместных землях, а следовательно, о массовом переводе крестьян с оброка на барщину можно говорить лишь с последней трети XVI в.¹¹

Но сейчас важно выяснить другое: действительно ли барщина и крепостной труд были явлением прогрессивным по сравнению с оброчной системой, тем более что по мере развития в стране рыночных связей уже в XV в. заметна тенденция к повседневной замене натурального оброка денежным. Думается, что ответ на этот вопрос должен быть отрицательным, особенно в теоретическом плане. Дело в том, что барщинное хозяйство поместного типа,

¹⁰ Л. В. Черепнин. Основные этапы развития феодальной собственности на Руси (до XVII века), с. 60.

¹¹ П. А. Рожков. Сельское хозяйство Московской Руси в XVI веке. М., 1899, с. 195, 200—201. Мнение же Р. Г. Скрынникова и В. И. Корецкого, разделяемое в последнее время многими советскими медиевистами (именно эта точка зрения зафиксирована и во II томе академического издания «Истории СССР»), что барщина была широко распространена на поместных землях, особенно Северо-Запада Руси, еще в начале XVI в., не подтверждается новейшими исследованиями (Р. Г. Скрынников. 1) Экономическое развитие новгородского поместья в конце XV и первой половине XVI в.; 2) Рост барской запашки и развитие барщины на новгородских поместных землях в 50—70-х гг. XVI века; В. И. Корецкий. Закрепощение крестьян и классовая борьба в России во второй половине XVI в., гл. I). Критику этой точки зрения см. в докладе Г. В. Абрамовича «Новгородские писцовые книги как источник по истории барщины в поместном хозяйстве XVI в.» (Тезисы докладов и сообщений XII сессии Межреспубликанского симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. М., 1970, с. 58—60) и в историографическом очерке В. М. Панеяха «Закрепощение крестьян в XVI в.: новые материалы, концепции, перспективы изучения (по поводу книги В. И. Корецкого)» (История СССР, 1972, № 1, с. 158—160). Эти наблюдения Г. В. Абрамовича и В. М. Панеяха в своей экономической части, казалось бы, совпадают с уже высказывавшимися ранее мнениями отдельных советских исследователей, что в России «развитие крепостничества предшествовало широкому распространению барщинного хозяйства», а само поместье XVI в. носило первоначально преимущественно потребительский, а не товарный характер и в этом смысле существенно отличалось от барщинного крепостного хозяйства XVII—XIX вв. (Л. В. Данилова. К итогам изучения основных проблем раннего и развитого феодализма в России. — В кн.: Советская историческая наука от XX к XXII съезду КПСС. М., 1962, с. 56 сл.).

а главное, сопутствующее ему закрепощение крестьянства (кстати, последнее отнюдь не обязательно для всякого барщинного хозяйства, которое может использовать и наемный труд, — все зависит от конкретных экономических условий развития той или иной страны), хотя и сулило для землевладельцев, казалось бы, прямые экономические выгоды — наиболее быстрое и эффективное получение товарного хлеба (это и делало его в глазах помещиков особенно притягательным), в плане широкой экономической перспективы было более консервативным, чем по преимуществу господствовавшая на территории крупных феодальных латифундий система денежных рент. Барщина — это уже достаточно показала и доказала советская и зарубежная марксистская историография — приводила к разорению индивидуального хозяйства крестьян, подрывала заинтересованность крестьянина в повышении производительности своего труда и товаризации его результатов. А известно, что именно интенсивность развития мелкотоварного крестьянского хозяйства обычно приводит к более прогрессивным формам зарождения в недрах феодальной экономики новых буржуазных связей. Не случайно поэтому, как это наглядно видно на примере исследований Б. Д. Грекова (имеется в виду проведенное им капитальное исследование хозяйства Новгородского Софийского дома¹²) и особенно историко-экономических работ по истории XVI—XVII вв. С. В. Бахрушина,¹³ что наибольшей товаризации сельское хозяйство этого времени достигло в тех районах Северо-Восточной Руси, где господствовало черносошное крестьянское землевладение, а также на территории крупных церковных или дворцовых (княжеских) сел, в которых наиболее широко применялась как форма феодальной эксплуатации не барщина, а денежная рента. В отношении крестьянского промыслового хозяйства — и это тоже уже достаточно убедительно доказано в советской историографии (например, в работах С. В. Бахрушина, Н. В. Устюгова, А. И. Копанева, Р. Ю. Мюллер, Л. В. Даниловой, К. Н. Сербиной) — преимущества, в экономических условиях XV—XVII вв., и денежной ренты, и свободного волостного землевладения еще более разительны.

Что же касается вопроса о хозяйственном кризисе и разорении крупных боярских сеньорий, то и тут тоже далеко не все ясно. Так, еще Б. Д. Греков в своем капитальном исследовании «Крестьяне на Руси» указывал, что «теоретически» «совсем не обязательно разорение боярства в качестве следствия роста товарно-денежных отношений». Наоборот, «должно быть как раз обратное: бояре, как и вообще крупные землевладельцы, со всеми

¹² Б. Д. Греков. Очерки по истории хозяйства Новгородского Софийского дома XVI—XVII вв. — *Летопись занятий Археографической комиссии*, вып. 33. Л., 1926.

¹³ С. В. Бахрушин. *Научные труды*. Т. I. М., 1952; т. II, М., 1954.

их возможностями скорее и более успешно могли бы приспособиться к новым общественным условиям». И как на пример Б. Д. Греков ссылается на монастыри.¹⁴ Действительно, большинство русских монастырей именно в XV—XVI вв. превращается в крупнейших землевладельцев (достаточно назвать хотя бы Троице-Сергиев монастырь, который имел гигантские вотчины, расположенные в более чем 50 уездах страны), хозяйство которых не только процветает, но и носит уже в известной мере товарный характер, а сами монастыри, во всяком случае наиболее крупные из них, выступают перед нами не только как богатейшие землевладельцы, но одновременно и как ростовщики, купцы и промышленники (владельцы соляных и иных промыслов и торгов).

Но, противопоставив преуспевающие монастыри, Б. Д. Греков резко противопоставляет им положение крупных боярских сеньорий. «Положение московских бояр», по его мнению, со второй половины XV в. «делалось все более критическим». Бояре не могли, как полагает Б. Д. Греков, перестроить свое хозяйство и не могли удовлетворить свои все возрастающие потребности в деньгах. Последнее положение Б. Д. Греков, правда, не раскрывает на анализе хозяйства боярских сеньорий, а лишь приводит перечень бояр и князей, которые пользовались монастырским денежным кредитом. И хотя из этих примеров он и делает вывод, что «ростовщический капитал» «сыграл роковую роль» «по отношению к разоряющейся знати», самих причин и фактов этого разорения ему показать не удалось.¹⁵ Сами же по себе выборочные примеры денежных кредитов не могут служить доказательством экономического разорения (хозяйственного кризиса) боярских сеньорий. Во всяком случае примеров займа денег у монастырей (и не просто займа, а под залог своих земель) средними и мелкими феодалами, и в том числе помещиками, можно привести еще больше. Но не делаем же мы из этого вывода о кризисе в XV—XVI вв. средней или мелкой вотчины.

Еще более остро вопрос о распаде крупного княжеско-боярского землевладения в XIV—XVI вв. поставил С. Б. Веселовский, автор крупнейшего в советской историографии специального исследования по истории феодального землевладения в Северо-Восточной Руси. С. Б. Веселовский проделал исключительно ценную в источниковедческом плане работу: попытался на основании дошедших до нас данных о земельных вкладах в монастыри восстановить судьбы боярского землевладения XIV—XV вв. Установив факт массовых боярских земельных вкладов в монастыри, а также купли, обмена и других монастырских акций по увеличению своих владений, он так же, как и Б. Д. Греков, пришел к мысли о распаде вотчинного боярского землевладения еще

¹⁴ Б. Д. Греков, Крестьяне на Руси, кн. 2, с. 53—54.

¹⁵ Там же, с. 54—56.

до введения на Руси поместной системы (уже в конце XIV—середине XV в.). Но в отличие от Б. Д. Грекова он видит в этом не экономические причины, тем более причины, связанные с ростом рыночных связей в стране в XV—XVI вв., а лишь следствие земельной «экспансии» монастырей (активно скупающих вотчинные земли) и пагубной для удельной княжеско-боярской Руси системы наследования (кстати, почти ничем не отличающейся от земельного права в Западной Европе), которая, по его мнению, по мере роста тех или иных боярских семей приводила к дроблению и распаду их земельных владений.¹⁶ Естественно, что только этой причиной объяснить судьбы феодального землевладения невозможно, равно как нельзя согласиться с С. Б. Веселовским в его попытках вывести внутренний строй боярщины из феодального иммунитета, предоставляемого тем или иным землевладельцам великими или удельными князьями, а не рассматривать вотчинный режим в первую очередь и в основном как следствие и продукт внутреннего социально-экономического развития крупного землевладения, в котором главным элементом являются взаимоотношения между феодалами и крестьянами. На это указывал А. Е. Пресняков, который еще в 1927 г., разбирая исследование С. Б. Веселовского о феодальном иммунитете (дело в том, что Веселовский подошел к изучению феодального землевладения именно от феодального иммунитета, видя в последнем главный правовой источник происхождения и самого феодального землевладения¹⁷), писал, что, к сожалению, в «глубину народной жизни» (народного хозяйства) исследование С. Б. Веселовского не входит, а «углубить выяснение вопроса о происхождении вотчинного режима и довести его до желаемой законченности может только изучение внутренних распорядков боярщины в том направлении, в котором идут ... исследования Б. Д. Грекова, выясняющего то перерождение землевладельческого хозяйства, которое можно определить как переход от хозяйства феодального к крепостническому и которым определялась вся изучаемая С. Б. Веселовским эволюция вотчинного режима».¹⁸

Со времени указанных замечаний А. Е. Преснякова, одного из крупнейших русских исследователей начала XX в., прошло уже более 40 лет. И надо признать, что изучение феодального землевладения и хозяйства России XV—XVI вв. в советской науке действительно пошло в основном по пути, намеченному Б. Д. Грековым, давшему наиболее плодотворные результаты особенно

¹⁶ С. Б. Веселовский. Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси, гл. 7 и 8. О влиянии наследственного права на дробление боярских вотчин, см. там же, с. 50—55.

¹⁷ С. Б. Веселовский. К вопросу о происхождении вотчинного режима. Л., 1926.

¹⁸ А. Е. Пресняков. Вотчинный режим и крестьянская крепость. — Летопись занятий Археографической комиссии. Вып. 34. Л. 1927, с. 190.

после того, как Б. Д. Грековым и его учениками был применен марксистский метод в изучении указанных процессов. Именно на основе марксистской методологии советскими учеными достигнуты основные научные успехи в глубоком и всестороннем изучении истории сельского хозяйства, землевладения и истории крестьянства XIV—XVI вв. (я имею в виду, помимо работ самого Б. Д. Грекова, исследования М. Н. Тихомирова, Л. В. Черенина, Н. И. Смирнова, Г. Е. Кочина, А. Л. Шапиро, Р. Г. Скрынникова, Р. Б. Мюллер, Л. В. Даниловой, А. И. Копанева, А. Д. Горского, Ю. Г. Алексеева, В. И. Корецкого и др.).¹⁹ Советские исследователи полагают, что крепостничество — лишь одна из форм феодализма, а не социальный строй, противостоящий ему, как это обычно истолковывается в современной зарубежной историографии (это мнение разделял, как мы видели, и А. Е. Пресняков). Указанные выводы, особенно последний, и заставляют несколько по-иному взглянуть на факт перехода в XVI в. от старого вотчинного хозяйства к крепостному поместью, поскольку накопленные советскими исследователями данные по этим вопросам далеко не всегда укладываются в указанную выше общую схему этого процесса.

Так, наиболее значительный и ценный материал (я имею в виду писцовые книги) о переходе от крупного боярского хозяйства к поместной системе сохранился по Новгородской земле конца XV—XVI вв. И вот, характеризуя прогрессивность ликвидации новгородских боярщин, обычно ссылаются на то, что их упразднение и замена поместной системой не только не привели к хозяйственному кризису, но наоборот: по «новому письму» конца XV в. (по сравнению с положением «по старому письму» — при существовании боярщин) по всем новгородским пятинам произошло даже увеличение числа крестьянских дворов, что свидетельствует об общем подъеме экономического развития новго-

---

¹⁹ Из новейших работ хочется еще раз особо отметить коллективный труд группы ленинградских историков-аграрников (А. Л. Шапиро, Г. В. Абрамовича, Ю. Г. Алексеева, Ю. С. Васильева, А. И. Копанева, Н. Н. Масленниковой, Р. Б. Мюллер, Т. И. Осмицкого, К. Н. Сербинной, З. А. Тимошенко и И. Я. Фроянова), осуществленный под руководством А. Л. Шапиро, по изучению сельского хозяйства Северо-Запада России конца XV—XVI вв., и не только I том, уже вышедший из печати, но и завершаемый авторами II том (середина XVI—начала XVII в.). Что касается известной монографии Д. П. Маковского «Развитие товарно-денежных отношений в сельском хозяйстве Русского государства в XVI в.» (Смоленск, 1963), то, несмотря на новизну и оригинальность этой работы, ее источниковедческая обоснованность имеет ряд существенных недостатков. В частности, Д. П. Маковский крайне слабо использует основной источник по истории сельского хозяйства XVI в. — писцовые книги. И вообще приемы работы Д. П. Маковского над источниками XV—XVI вв. зачастую носят не аналитический, а выборочно-иллюстративный характер, что, естественно, снижает научную значимость этого в целом весьма интересного исследования.

родских земель после присоединения к Москве.²⁰ А отсюда вывод — поместная система экономически эффективнее боярских сеньорий.

Думается, что подобный вывод нуждается в уточнении, и довольно существенном. Дело в том, что (и это достаточно убедительно показано в исследовании хотя бы Г. Е. Кочина, специально посвященном истории сельского хозяйства Северо-Восточной Руси XIV—XV вв.) крупное московское и новгородское вотчинное (боярское) хозяйство XV в., как правило, не являлось «организационной формой хозяйства», а базировалось в своей основе на мелком крестьянском хозяйстве, которое велось крестьянами, проживающими на территории боярщины, их же инвентарем и в производственном отношении по существу совершенно самостоятельно. Оно было связано с собственно боярским хозяйством (в целом весьма небольшим и использующим преимущественно холопский труд) лишь оброчной системой и сравнительно ограниченным кругом боярских отработок (косьба сена, участие в боярской охоте, поставка подвод для перевозок оброчного хлеба, мольба и некоторые «урочные» повинности).²¹ Иначе говоря, бояр-

²⁰ Н. Ф. Яницкий. Экономический кризис в Новгородской области в XVI в. По писцовым книгам. Киев, 1915, с. 14—19.

²¹ Г. Е. Кочин. Сельское хозяйство на Руси конца XIII—начала XVI в. М.—Л., 1965, с. 366—369. Полагаю, что Г. Е. Кочин прав, когда, рассматривая взгляды Б. Д. Грекова на боярскую сеньюрию XIV—XV вв., указывает, что «развитие Б. Д. Грековым положения о крепости крестьян боярщины-сеньории и об осуществлении сеньором-феодалом всей полноты власти как государя и как хозяина—руководителя не только собственного боярского хозяйства, но и крестьянских хозяйств в деревнях и селах принадлежащей ему вотчины решительно расходится с ясными массовыми показаниями источников о крестьянских и владельческих хозяйствах Новгородской земли и Северо-Восточной Руси». И даже более, ссылаясь на проведенные им широкие обследования многочисленных источников по аграрной истории России конца XIII—начала XVI в. («Мы с особым вниманием, — отмечает автор, — изучили сведения писцовых книг, уставных грамот, сотных, выписей из писцовых книг, акты, рисующие крестьянские и владельческие хозяйства, их связь друг с другом и взаимоотношения»), Г. Е. Кочин вообще считает, что «утрата крестьянскими хозяйствами», расположенными в волостях и селах крупных боярщин, «полноценности и самостоятельности была неестественна; она противоречила бы интересам самих феодалов» (т. е. боярства) (там же, с. 429—424). Что касается применения в боярском хозяйстве барщины, то в этом вопросе Г. Е. Кочин, наоборот, солидарен с Б. Д. Грековым, отмечавшим, что интенсивный рост и барской запашки, и барщины наблюдался лишь в XVI в. (Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси, кн. 2, с. 528—531, 534, 537—545, 587—598). Мнение же Л. В. Черепнина, А. П. Пьянкова и А. Д. Горского, полагающих, что барщина была широко распространена в вотчинном боярском хозяйстве уже в XIV—XV вв., Г. Е. Кочин считает ошибочным (там же, с. 328—330, 352—353). Дело в том, что указанные авторы считают (цитирую Л. В. Черепнина), что «господствующая в исторической литературе точка зрения Б. Д. Грекова «о преобладании в XIV—XV вв. в феодальном хозяйстве Руси ренты продуктами над другими формами эксплуатации крестьян» должна быть «пересмотрена»: *устанавливается значительно больший удельный вес барщины в феодальном хозяйстве рассматриваемого периода*, чем думал Б. Д. Греков» (Л. В. Черепнин. Образование

ское вотчинное хозяйство выступило не как организующее начало над крестьянским хозяйством тех или иных феодальных владений, а лишь как искусственная (скорее социально-политическая, чем экономическая) надстройка над ними, которая их не только не упразднила, но, наоборот, была заинтересована в их развитии в целях получения с них оброка. Поэтому так легко и экономически безболезненно для сельского хозяйства произошла ликвидация старых боярщин и так прогрессивно первоначально (до утверждения новой поместно-крепостной системы) было это для крестьянства. Какие это давало для него экономические преимущества, видно по судьбам бывших новгородских боярщин в Поморье, крестьяне которых, превратившись после «свода» своих бывших владельцев в черных крестьян, добивались исключительных успехов в сельскохозяйственном и промышленном развитии. Но это развитие идет уже по новому — пробуржуазному, а не феодальному пути: происходит социальная дифференциация в деревне, скупка земель богатыми, использующими в своем хозяйстве в качестве наемных работников половников и обедневших соседей-волощан, складывание крестьянских торговых и промышленных капиталов.

Но именно этот процесс и был резко заторможен, а потом, с конца XIV в., и вообще приостановлен на поместных землях, новые владельцы которых из числа как бывших бояр, так и поднимающегося дворянства уже сами стремятся активно вмешиваться в ведение хозяйства на своих землях, заводят барскую запашку, а для ее обработки все более используют не только холопский, но и крестьянский труд. Барщина начинает вытеснять

русского, централизованного государства, с. 227, 230, — курсив мой, — *И. Н.*; ср.: А. П. Пьянков. Формы феодальной ренты в Северо-Восточной Руси в XIV—XV вв. — Учен. зап. Могилев. гос. пед. ин-та, 1954, вып. 1, с. 3—30; А. Д. Горский. Очерки экономического положения крестьян Северо-Восточной Руси XIV—XV вв., с. 234—243). Новейшие исследования не подтверждают необходимость и правильность подобного «пересмотра». Это видно уже из проведенного в настоящее время сплошного статистического обследования Новгородских писцовых книг конца XV—начала XVI в. (Аграрная история Северо-Запада России, т. I), содержащих сведения о 61 000 крестьянских хозяйств (= «дворов») и убедительно показывающих, что в данном вопросе правы сторонники не «пересмотра», а старой, «господствующей», говоря словами Л. В. Черепнина, точки зрения — Б. Д. Греков и Г. Е. Кочил, причем, и это хочется подчеркнуть, даже их точка зрения должна быть уточнена (если строго следовать данным «старого письма») в сторону уменьшения размеров и значения крестьянской барщины на новгородских вотчинных землях до их присоединения к Москве. До XVI в. — писцовые книги показывают это достаточно наглядно — барская запашка, как правило, обрабатывалась не крестьянами, а холопами, да и вообще даже в крупных боярщинах ее доля была очень невелика. Весьма интересные наблюдения о широком использовании холопского труда в барском хозяйстве XV—XVI вв. приводятся и в монографии Е. И. Кольчевой «Холопство и крепостничество (конец XV—XVI в.)» (М., 1971).

оброк, складываются экономические условия для крепостного права, процесс «государственного утверждения» которого был явно ускорен кризисными явлениями в феодальной экономике России конца XVI в.; потребности государства (усиление налогового гнета) его стимулировали, как бы предвосхищали потребности помещного дворянства в государственном закреплении за их имениями владельческого крестьянства. Отсюда и происходит обычно столь смущающее исследователей России XVI в. опережение крепостническим законодательством его экономического базиса.

Так по-разному дворянство и крестьяне приспособивали свое хозяйство к новым экономическим условиям, к условиям зарождающегося в России XV—XVI вв. товарно-денежного рыночного хозяйства. Дворяне — и в этом их поддерживало растущее самодержавие — стремились утвердить в своих поместьях барщинно-крепостную систему и максимально ограничить крестьянское землепользование; крестьяне, наоборот, добивались закрепления за ними права земельной собственности на свои земли, максимального сокращения феодальных повинностей и права на ведение свободного мелкотоварного фермерского хозяйства. И хотя в России XVI в. победил не второй, а первый путь аграрного развития, оба они в конечном счете были следствием тех серьезных сдвигов в экономическом развитии страны, которые характерны для большинства европейских стран XV—XVI вв. Другое дело, что в Западной Европе XVI в. в силу более благоприятных экономических условий ее развития эти процессы протекали значительно более интенсивно, а главное, дали иные политические результаты.

Что касается хода этого процесса в России, то для его результативности решающее значение имел вопрос о судьбах черного волостного землевладения как той социально-экономической ячейки, которая в условиях продолжающейся крестьянской колонизации и укрепления Московской Руси непосредственно противостояла и феодальному землевладению, и крепостничеству и в недрах которой наиболее рано и наиболее отчетливо проявились черты зарождавшегося в русской деревне нового, раннебуржуазного уклада.

Итак, русская община и феодализм. Феодальный синтез или социально-экономический антипод?

* * *

Уже почти полтора столетия в русской и зарубежной историографии идет спор о происхождении и судьбах русской общины. Трудно назвать хотя бы одно крупное исследование по аграрной истории феодальной Руси, автор которого не определил бы в той или иной степени своего отношения к этой проблеме. Большое внимание уделяет этому вопросу и марксистская историография,

внешняя по существу решающий вклад в разработку этой важнейшей проблемы.

Поэтому, устраняя историографический момент (это предмет особого и большого разговора), необходимо, хотя бы в общих чертах, определить постановку вопроса о русской общине («черной волости») в советской историографии на сегодняшний день. Речь будет идти о волости XV—XVI вв.

В настоящее время среди исследователей русского феодализма уже нет спора о том, создана ли волость Московской Руси самим государством в тягло-административных целях (как считали в XIX в. сторонники русской государственной школы в лице Б. Н. Чичерина и его русских и западных последователей) или истоки ее происхождения надо искать еще в древнерусской верви (сельской территориальной общине). Советские медиевисты — в работах академика Б. Д. Грекова и его школы — уже давно показали и доказали связь древнерусской верви X—XI вв. с черной волостью позднейшего периода. Эти выводы приняты и большинством западных славистов. Спор идет о другом. Что происходило с крестьянским землевладением (а следовательно, и русской общиной) по мере укрепления в России феодализма? Иначе говоря, сохранили ли черные крестьяне право земельной собственности (и если сохранили, то в каком виде) или утратили его?

Мнения исследователей по этому поводу пока расходятся, и расходятся весьма существенно. Ряд советских исследователей, исходя главным образом из теоретических соображений, отрицает применительно к XV—XVI вв. общинную (а тем более частную) земельную собственность крестьян, проживавших на черных землях. Эти исследователи считают, что в период развитого феодализма, а в России об этом можно говорить, как полагает большинство советских специалистов, по крайней мере с XIII в., вся земля могла принадлежать только феодалам, крестьяне же вообще не имели (и не могли иметь в силу самого существа феодального строя) права собственности на землю.²²

---

²² При этом обычно ссылаются на замечания К. Маркса о классовом (монопольном) характере феодальной земельной собственности (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, с. 159; т. 25, ч. II, с. 166), исключаящие, как полагает ряд ученых (например, С. Д. Сказкин, Л. В. Черепнин, С. Ф. Поршнев), возможность *теоретически* допустить существование при развитом феодализме наряду с феодальной (господствующей) собственностью других видов земельной собственности, например, частной крестьянской собственности на землю. Я не разделяю этих взглядов. *Социально-экономическая многоукладность*, по моему мнению, *не противоречит господству в тот или иной период определенного способа производства*, например, феодального или буржуазного, и именно с этим сталкивается исследователь экономики России почти на всем протяжении ее истории, особенно на переходных этапах. Да и вообще поиски «чистых» социально-экономических и правовых форм для земельной собственности феодального периода, где земельные отношения столь переплетены с отношениями политическими, представляется мне задачей неправомерной.

Так, по мнению одного из крупнейших специалистов в этой области Л. В. Черепнина, в наиболее развернутом виде изложенному им в капитальном труде «Образование Русского централизованного государства в XIV—XV вв.», «верховным собственником» всех земель на территории княжеств Северо-Восточной Руси XIV—XV вв. являлся великий или удельный князь, что, как он полагает, и выражает формула княжеских договоров — «тобе знати своя отчина (вотчина), а мне знати своя отчина (вотчина)». Все же остальные виды земельных владений на Руси выступают по отношению к княжеской собственности как ей подчиненные и от нее зависимые в соответствии с существовавшим тогда сословно-иерархическим характером феодального землевладения. Таких категорий земельных держаний в пределах княжеских «вотчин» Л. В. Черепнин называет три: «черные земли», находящиеся в пользовании крестьянских общин, непосредственно эксплуатируемых государством; дворцовые земли, раздаваемые княжеским слугам, обслуживающим дворцовое хозяйство, обычно в условное держание; земли, принадлежащие отдельным феодалам — светским и духовным. Только в этом смысле «черная земля» и «противопоставляется», как полагает Л. В. Черепнин, «земле боярской и церковной». Иначе говоря, черные общинные земли рассматриваются по этой концепции лишь как «разновидность» феодальной земельной собственности, а само государство — как княжеская вотчина.²³ Правда, последнего вывода сам Л. В. Черепнин не делает, но он неотвратим, если толковать государственную

---

²³ Л. В. Черепнин. Образование Русского централизованного государства в XIV—XV вв., с. 182—183. Когда эта статья была уже в производстве, вышло из печати новое исследование Л. В. Черепнина «Русь. Спорные вопросы истории феодальной земельной собственности в IX—XV вв.» (А. Н. Новосельцев, В. Т. Пашуто, Л. В. Черепнин. Пути развития феодализма (Закавказье, Средняя Азия, Русь, Прибалтика). М., 1972, с. 126—251), в котором автор развивает указанный взгляд на характер феодального землевладения, а также отвечает своим оппонентам, в первую очередь И. И. Смирнову (о взглядах последнего на черное землевладение см. выше). К сожалению, в данной статье я лишен возможности специально остановиться на этой новой, крайне интересной работе Л. В. Черепнина. Правда, мое положение облегчено тем, что авторская концепция феодальной собственности сохраняется в этой новой работе Л. В. Черепнина по сравнению с его монографией почти без изменений. Что же касается указанного отождествления понятий «феодальное государство» и «княжеская вотчина», то в новом исследовании Л. В. Черепнина оно подчеркнуто уже самими названиями отдельных разделов: например, общий раздел — «Княжеская вотчина» (имеются в виду «великие» и «удельные» княжества XIV—XV вв.), подразделы — «Княжеская „отчина“ как государственная территория», «Разновидность земельной собственности в пределах княжеской „отчины“», «Расчлененный характер феодальной собственности», «Иерархическая структура земельной собственности». Причем Л. В. Черепнин неоднократно отмечает в качестве одного из главных доказательств данной концепции, что именно своей «отчиной» (отцовским наследством) называли подвластные им земли сами

территорию как феодальную собственность князя-сюзерена (= короля). Не случайно А. Д. Горский, развивая взгляды Л. В. Черепнина, прямо пишет, что «но своему классовому характеру собственность частных феодалов на частновладельческие земли и собственность великого князя как представителя класса феодалов в целом на черные земли — явления принципиально однородные». ²⁴ «Я согласен с точкой зрения А. Д. Горского, — замечает по этому поводу Л. В. Черепнин, — и аналогичный взгляд развиваю в ряде своих работ, особенно в книге „Образование Русского централизованного государства“». ²⁵

С развернутыми возражениями Л. В. Черепнину выступил, как известно, И. И. Смирнов. Он полагает, что указанная выше стандартная формула княжеских договоров (а именно она является исходной правовой базой всего построения Л. В. Черепнина) отнюдь не решает вопроса о природе черных земель, «ибо как „верховный собственник всей территории данного княжества“ (формулировка Л. В. Черепнина, — Н. Н.) князь является собственником и земель, принадлежащих отдельным феодалам, — боярских вотчин и вотчин монастырей», а их Л. В. Черепнин все же признает собственниками своих земель. По мнению же И. И. Смирнова, «монополюсно-сословный характер собственности на землю» «не исключал возможности наличия в феодальный период и других форм собственности. К их числу относится общинная собственность на землю». Характеризуя самую эту общинную собственность, И. И. Смирнов говорит о «тождестве» земельных отношений «типа» шотландского клана и русской крестьянской общины XIV—XV вв. Борьбу же феодалов за захват и освоение общинных земель И. И. Смирнов считает одной из основных тенденций развития феодализма с момента его зарождения. Он решительно возражает против «снижения» роли и значения борьбы чернососного крестьянства за землю, которая, по его мнению, приобрела особую силу именно в XV—XVI вв., «до борьбы... за сохранение одной из „разновидностей феодальной земельной собственности“ и только». ²⁶

великие и удельные князя XIV—XV вв. (там же, с. 195—196). Но неужели и современные исследователи должны считать, как это делали в XIX в. сторонники государственной школы Соловьева—Чичерина, всю территорию Русского государства собственностью его правителей — великих и удельных князей?!

²⁴ А. Д. Горский. Очерки экономического положения крестьян Северо-Восточной Руси XIV—XV вв. М., 1960, с. 153—161 (курсив мой, — Н. Н.). В введении к книге А. Д. Горского дается и обзор мнений русских и советских ученых по вопросу о крестьянской земельной собственности на территории черных волостей рассматриваемого периода (с. 12—18).

²⁵ Л. В. Черепнин. Русь. Спорные вопросы истории феодальной земельной собственности в IX—XV вв., с. 211.

²⁶ И. И. Смирнов. Заметки о феодальной Руси XIV—XV вв. — История СССР, 1962, № 2, с. 148—152.

Точку зрения И. И. Смирнова в основном разделяют и такие советские ученые, как Г. Е. Кочин, А. И. Копанев и Ю. Г. Алексеев — авторы специальных монографических исследований по истории феодального землевладения и аграрных отношений в России XIV—XVI вв., хотя по ряду вопросов между ними и имеются отдельные расхождения. А. И. Копанев считает реальными собственниками земель самих черных крестьян,²⁷ Г. Е. Кочин и Ю. Г. Алексеев делают большей акцент на общинном землевладении.²⁸ Особенно показательны в этом отношении взгляды Ю. Г. Алексеева, изложенные им в монографии, посвященной изучению аграрной и социальной истории Северо-Восточной Руси XV—XVI вв.

По мнению Ю. Г. Алексеева, «процесс феодализма (становление феодального общества) включает в себе два ряда тесно связанных и взаимно обусловленных явлений: разложение общины — основной ячейки дофеодального общества ... и развитие антипода этой общины — феодальной вотчины». Считая этот процесс главной движущей силой развития феодализма, Ю. Г. Алексеев полагает, что период «развитого феодализма» наступает

²⁷ А. И. Копанев. История землевладения Белоозерского края XV—XVI вв., с. 190. А. И. Копанев рассматривает черносошное землевладение XV—XVII вв. как своеобразный синтез частной (в основном) и общинной крестьянской земельной собственности. «Мы имеем, — пишет он, — многочисленные факты продажи, обмена и завещания в монастыри волостными крестьянами своих земель. Это указывает на то, что крестьяне владели землей на правах частной собственности. Но несомненно также, что часть волостных земель была в общем владении всех крестьян волости — в распоряжении мира» (там же, с. 190). В теоретическое обоснование этого вывода убедительно подкрепляемого автором актовым материалом по Белоозерскому краю XV—XVII вв., А. И. Копанев ссылается на замечания В. И. Ленина к труду Каутского «Аграрный вопрос»: «Форма крестьянского [земле]владения — компромисс между общинным и частным [земле]владением...» (Ленинский сб., 19, с. 31). В последующих своих исследованиях, касающихся истории крестьянства Двинского края конца XV—XVI вв., А. И. Копанев развивает указанную точку зрения на черносошное крестьянское землевладение, подтверждая ее многочисленными данными крестьянских частных актов.

²⁸ Г. Е. Кочин. Сельское хозяйство на Руси конца XIII—начала XVI в., с. 369—375 и сл.; Ю. Г. Алексеев. Аграрная и социальная история Северо-Восточной Руси XV—XVI вв., с. 3—6, 13—41. Указанную точку зрения в основном разделяет и А. Н. Сахаров. «Привлекательность точки зрения И. И. Смирнова, Г. Е. Кочина, Ю. Г. Алексеева и других представителей ленинградской школы, — указывает он, — состоит в том, что она расширяет наши представления о русском крестьянстве: оно предстает перед нами не только пассивной стороной, закрепощенным классом, эксплуатация которого усиливалась со времен «Русской Правды» и до XIX в., но и в качестве самостоятельной исторической силы. До XVI в. на Руси преобладали свободные земледельцы — к такому выводу приводят работы последних лет, и это позволяет нам иначе, чем прежде, взглянуть на исторический путь русского крестьянства в целом» (А. Н. Сахаров. О диалектике исторического развития русского крестьянства. — Вопросы истории, 1970, № 1, с. 28 (курсив мой, — И. П.).

только тогда, когда феодальная вотчина окончательно поглотит свободную крестьянскую общину как «дофеодальный» социальный организм. Иначе говоря, о «развитом феодализме» в России, по его мнению, можно говорить только с конца XVI в., кануна «нового периода» русской истории. «Уничтожение черной волости в центре страны во второй половине XVI в., — пишет по этому поводу Ю. Г. Алексеев, — конечный этап аграрной истории раннего русского феодализма. С исчезновением волости к концу XVI в. земля стала на практике, как и в теории, монопольной собственностью класса феодалов. История землевладения в дальнейшем превращается в борьбу за землю и рабочие руки между отдельными прослойками класса феодалов».²⁹

Нам представляется, что указанная концепция А. Г. Алексеева³⁰ ставит его в несколько двойственное положение в отношении оценки общинного землевладения. Если И. И. Смирнов считает, что монопольно-сословный характер феодальной собственности «не исключал наличия в феодальный период (а не только в период становления феодализма, — *Н. Н.*) и других форм собственности», то для Ю. Г. Алексеева общинная собственность — «ячейка дофеодального общества» (инородное тело феодализма), только уничтожение которой и утверждение монопольной собственности класса феодалов на земле знаменуют «развитый» феодализм. Но об этом и пишет Л. В. Черепнин, выдвигая тезис о монополии феодальной собственности на землю как обязательным условием развитого феодализма. Другое дело, что подобный порядок утвердился в Северо-Восточной Руси, по Л. В. Черепнину, по крайней мере уже с XII в. и охватывал волостные земли как особый вид феодальной собственности, а по Ю. Г. Алексееву, — только с конца XVI в. и, как правило, означал вообще упразднение черных волостных земель как дофеодального социального организма.

---

²⁹ Ю. Г. Алексеев. Аграрная и социальная история Северо-Восточной Руси XV—XVI вв., с. 3—4, 225. Эта же точка зрения, хотя и в более смягченном виде в сторону сближения с взглядами И. И. Смирнова, излагается Ю. Г. Алексеевым и в его последующих исследованиях, посвященных истории русского крестьянства XV—XVI вв., например в исключительно интересных работах автора «Черная волость Костромского уезда XV в.» (в кн.: Крестьянство и классовая борьба в феодальной России. М.—Л., 1967) и «Крестьянская волость в центре феодальной Руси XV в.» (с. 71—103 настоящего сборника).

³⁰ Эта концепция в своей основе очень близка взглядам А. И. Неусыхина на характер феодализма в Западной Европе в период раннего средневековья (см.: А. И. Неусыхин. Судьбы свободного крестьянства в Германии в VIII—XII вв. М., 1964), но, правда, с существенной разницей. А. И. Неусыхин относит эти процессы (борьбу разлагающейся общины и растущей и укрепляющейся феодальной вотчины) только к раннему европейскому средневековью, а Ю. Г. Алексеев распространяет их на всю историю феодальной России, по крайней мере до XVII в.

Иную, но тоже в известном смысле промежуточную, позицию в дискуссии между Л. В. Черепниным и И. И. Смирновым занял А. Л. Шапиро. В какой-то мере его точка зрения пашла отражение и в указанном выше труде ленинградских аграрников по истории сельского хозяйства Северо-Западной России конца XV—XVI в. (хотя единства взглядов по вопросам чернососного землевладения у авторов данного издания явно нет).

А. Л. Шапиро, как и известный советский юрист академик А. В. Венедиктов, — сторонник теории «разделенной феодальной собственности»,³¹ поскольку эта теория, с его точки зрения, наиболее полно выражает «монопольный» характер феодальной земельной собственности. По его мнению, «в черной волости XIV—XVI вв. мы встречаемся с разделенной собственностью феодального государства в лице князя, с одной стороны, и волостной общины вместе с крестьянами-волощанами — с другой», причем все три стороны (великий князь, община и крестьяне) являются обладателями нрав земельной собственности в «расщепленном» виде. Крестьяне имеют право пользоваться и распоряжаться своими участками (и даже их продавать), община — распоряжаться волостными угодьями, великий князь — «законно» передавать те или иные черные земли феодалам.³²

В каком реальном соотношении находились эти «черты», «части» и «элементы» земельной собственности на черные земли, которыми обладали указанные их собственники — контрагенты, А. Л. Шапиро не говорит, а ограничивается лишь общей формулировкой, что, по его мнению, «присущая некоторым видам земельной собственности разделенность, или расщепленность, хорошо объясняет природу землевладения русской черной волости XIV—XVI веков»³³ (хотя — полагаю — частное право владения и распоряжения землей, которым обладал крестьянин, вряд ли равнозначно праву государственных конфискаций и передаче тех или иных черных земель феодалам). Что же касается теории, то важно подчеркнуть, что А. Л. Шапиро, как и Л. В. Черепнин, рассматривает черные земли лишь как разновидность феодальной

---

³¹ Взгляды А. В. Венедиктова на феодальную земельную собственность, и в том числе на общинную собственность крестьянства XV—XVII вв., изложены в вводных разделах его капитального труда «Государственная социалистическая собственность» (М.—Л., 1948). В то же время основной недостаток концепции А. В. Венедиктова с точки зрения исторической состоит в том, что он сформулировал общее юридическое понятие собственности применительно к собственности социалистической (государственной и кооперативно-колхозной) и распространил его как бы в обратной проекции на предшествующий период, и в том числе на земельную собственность феодального периода. Я не уверен в правомерности подобного «теоретического монизма».

³² А. Л. Шапиро. О природе феодальной собственности на землю. — Вопросы истории, 1969, № 12, с. 70—71.

³³ Там же, с. 71.

собственности (единой или разделенной — это уже вопрос подчиненный).

Итак, сторонники отнесения черных волостных земель к разновидности феодальной собственности по существу признают черную волость лишь как административно-тяглый орган, промежуточную инстанцию между князем как верховным собственником земли и черным крестьянином как ее пользователем. Иначе говоря, отводят ей в жизни Московской Руси XV—XVI вв. лишь роль местного института по обеспечению княжеского управления и сбору феодальной ренты, поскольку при этой концепции именно так расцениваются государственные налоги с черных крестьян. Да и вообще приравнивание (вернее, отождествление) государственных налогов к феодальной ренте и есть, наряду с тезисом о «монопольном» характере феодальной земельной собственности, одна из методологических основ данной концепции.³⁴

Естественно, что подобная трактовка черносошного землевладения в конечном счете резко снижает и самую роль черных волостей в жизни России, хотя и рассматривает их как органическую и вполне феодальную часть феодального строя.

Во второй концепции все по-иному. Община-волость — реальный собственник черных земель, антипод феодализма, а следовательно, и господствующей при нем феодальной земельной собственности, постоянный объект насильственного и экономического феодального «освоения», движущая сила развития средневекового

---

³⁴ Л. В. Черепнин. Русь. Спорные вопросы истории феодальной земельной собственности, с. 225—227. Таких же взглядов придерживается ряд советских исследователей, например А. Д. Горский, С. М. Каштанов, Ю. Р. Клокман (А. Д. Горский. Очерки экономического положения крестьян Северо-Восточной Руси XIV—XV вв., с. 232—235; С. М. Каштанов, Ю. Р. Клокман. Советская литература 1965—1966 гг. по истории России до XIX века. — История СССР, 1967, № 5, с. 163—164). Указанная точка зрения непосредственно связана с так называемой теорией «государственного феодализма», которая последнее время получила столь широкое распространение среди историков феодальной России. Не случайно поэтому Л. В. Черепнин, возражая И. И. Смирнову, который, как уже отмечалось, считает феодальной собственностью на землю только вотчинное и поместное землевладения и исключает из нее черное волостное землевладение, прямо указывает, что «с этим никак нельзя согласиться, ибо тогда пришлось бы совершенно отказаться от постановки проблемы „государственного феодализма“, так убедительно разработанной (на основе марксистско-ленинской методологии) Н. М. Дружининым для России XVIII в.» (Л. В. Черепнин. Русь. Спорные вопросы истории феодальной земельной собственности, с. 223—224). Думается, что в свете новейших исследований по истории русского черносошного крестьянства XV—XVI вв. от применения подобной теории к рассматриваемому периоду действительно придется отказаться. Она явно не соответствует реальному положению черносошного крестьянства XIV—XVI вв. Ведь даже сам Л. В. Черепнин вынужден признать, что «„черные“ крестьяне XIV—XV вв. и государственные XVIII в. — социальные категории разных исторических эпох и было бы неправильно подходить к ним с единым мериллом» (там же, с. 224).

общества. Сам же «идеальный» феодальный порядок, а именно положение, когда общинные земли уже полностью захвачены феодалами, стали феодальной особенностью, в данной концепции (в отличие от первой) мыслится лишь как теоретическая презумпция, которая на практике допускает и иные исторические вариации, а главное, существование наряду с феодальной земельной собственностью и собственности нефеодальной.

Если не касаться вопроса о правомерности сравнения русской крестьянской волости XV—XVI вв. с германской маркой или шотландским кланом (институтами значительно более архаичными, чем черная волость рассматриваемого периода), то надо сказать, что последняя (вторая) точка зрения дает возможность более исторически, а следовательно, и более реально понять динамику развития аграрного строя феодальной России как борьбу двух начал — крестьянского и феодального.

Другое дело, что само понятие общинного крестьянского землевладения применительно к XIV—XVI вв. отнюдь не тождественно общинному землевладению на заре феодализма. И даже более, в период развитого феодализма, а на Руси, по моему мнению, о нем можно говорить во всяком случае уже с XIII в., реальной базой волостного землевладения (как и самих черных волостей) все в большей и большей степени становится не общинная, а частная собственность черных крестьян на занимаемые ими земли. Об этом писал еще Н. П. Павлов-Сильванский, хотя и толковал сам этот процесс далеко еще не с марксистских позиций, поскольку само понятие феодализма для него — в основном лишь политическая надстройка, характерная для развитого средневекового общества.³⁵ Большой документальный материал по истории черносошного землевладения был собран русскими дореволюционными исследователями-аграрниками начала XX в. В принципе не отрицал права собственности черных крестьян на занимаемые ими земли и Б. Д. Греков. В своем известном труде «Крестьяне на Руси» он писал, что даже в XVI—XVII вв. в России «продолжался процесс присвоения феодалами крестьянских земель» (имея в виду именно черные земли, которые до этого, по его мнению, были не феодальными).³⁶

Но особенно наглядный и максимально конкретный материал в подтверждение подобной трактовки дают новейшие исследования советских ученых по истории черносошного крестьянства Русского Севера XVI—XVII вв. (имею в виду работы Н. В. Устюгова, Р. Б. Мюллер и, особенно, А. И. Копанева). Их исследования, как и тысячи известных теперь ученым крестьянских частных актов конца XV—XVI в., ясно показывают, что черные крестьяне

³⁵ Н. П. Павлов-Сильванский. Феодализм в древней Руси. СПб., 1907.

³⁶ Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси, кн. 2, с. 139, ср. с. 168—169.

уже в это время имели реальное право продавать, покупать, менять, передавать по наследству, закладывать «по кабалам» и совершать любые иные операции со своими землями.³⁷

И не только имели это право, но и широко им пользовались, как правило, без всяких санкций со стороны и волостных, и кня-

³⁷ Н. В. Устюгов. К вопросу о социальном расслоении русской черносошной деревни XVII в. — История СССР, 1961, № 6; Р. Б. Мюллер. Очерки по истории Карелии XVI—XVII вв. Петрозаводск, 1947; А. И. Копанев. 1) Куростровская волость во второй половине XVI в. (Из истории подвинского крестьянства). — Сб. «Академику Б. Д. Грекову ко дню 70-летия». М., 1952; 2) К вопросу о структуре землевладения на Двине в XV—XVI вв. — В кн.: Вопросы аграрной истории. Вологда, 1968. Весьма важное значение для изучения истории северного черносошного крестьянства XVI в. имеют и такие публикации А. И. Копанева, как «Куростровские столбцы XVI в.» (в кн.: Материалы по истории Европейского Севера СССР, вып. I. Вологда, 1970) и «Платежная книга Двинского уезда 1560 г.» (в кн.: Аграрная история Европейского Севера СССР, вып. III. Вологда, 1970). К работам А. И. Копанева примыкает и статья Ю. С. Васильева «Кадомская волость Важского уезда в середине XVI в.» (в кн.: Материалы по истории Европейского Севера СССР, вып. I) и его же обзор Важских писцовых книг и сотниц XVI—XVII вв. (в кн.: Аграрная история Европейского Севера СССР, вып. III). Применительно к истории Подвинья конца XV—начала XVI в. указанные исследования А. И. Копанева и Ю. С. Васильева в известной мере обобщены в соответствующих разделах I тома «Аграрной истории Северо-Запада России». Весьма показательный материал о владельческих правах крестьян Подвинья XVI в. на свои земли имеется в моей статье «Опыт генеалогических изысканий по истории зарождения крестьянских торгово-промышленных капиталов в России» (в кн.: Вспомогательные исторические дисциплины. Т. I. Л., 1968) и в статье Н. Н. Покровского «Купчие, данные и меновые грамоты как источник по истории черносопного землевладения России XIV—первой четверти XVI в.» (в кн.: Новое о прошлом нашей Родины. М., 1969). Но все же наиболее существенные (а главное, массовые) доказательства — сотни частных крестьянских актов — в пользу признания за черносопным крестьянством реальных прав собственности на занимаемые ими земли приводятся в публикуемой ниже статье А. И. Копанева «Крестьянское землевладение Подвинья в XVI в.». В отличие от Л. В. Черепнина основное содержание исследований А. И. Копанева составляет не изучение клаузул (и терминологии) правительственных актов, касающихся черных земель, а изучение реальных прав крестьян на свои земли. Я расхожусь с А. И. Копаневым лишь в одном вопросе — трактовке характера волостного землевладения в основном в плане указанной выше концепции И. И. Смирнова. По моему мнению, для XVI в. более правильно говорить уже не о *владельческих* (по существу давно ушедших в прошлое), а *административных* правах черной волости на занимаемые ею земли, находящиеся как в частной собственности крестьян (в основном), так и в их общем пользовании (луга, леса, пастбища). При сравнении же социально-экономического развития черносошного крестьянства XVI в. с его развитием в XVII в. нужно больше учитывать тормозящее влияние крепостного права и государственной регламентации на крестьянскую земельную собственность, которое особенно заметно уже с конца XVI в. В целом же концепция Смирнова—Копанева применительно к истории Московской Руси XV—XVI вв. представляется значительно более убедительной, чем концепция «государственного феодализма» (а тем более ее княжеско-вотчинный вариант в трактовке Л. В. Черепнина и А. Д. Горского).

жеских властей. Роль же черных волостей, помимо распоряжения не находящимися в частной крестьянской собственности общинными землями (в основном выгонами и лесами), сводилась в XV—XVI вв. лишь к тягло-административно-территориальной организации черного крестьянства, охране интересов крестьянского мира и обеспечению его взаимоотношений с внешним миром — соседними феодалами и государственными властями. Иначе говоря, я считаю, что русская крестьянская община не была каким-то застойным «дофеодальным» социальным организмом, а, наоборот, так же, как и сам феодальный строй России, активно развивалась на протяжении XII—XVI вв. Другое дело, что характер и результаты этого «сосуществования» феодальной вотчины и общины были диаметрально различны на различных этапах этого развития.

По моему мнению, древнерусская сельская община (вервь), базирующаяся на общинной земельной собственности, перестала существовать как социальный организм в основном еще в домонгольский период; часть общинных земель была захвачена феодалами и «обоярена», часть же сохранилась, но образовала уже иные социально-территориальные объединения — черные миры (волости, погосты, станы) крестьян-аллодистов. Зажиточные крестьяне вообще нередко порывают с волостью и выходят в мелкие феодалы (и своеземцы!), волостная же беднота — главный источник пополнения полузависимого населения соседних боярщин. Это был как бы постоянно действующий процесс «крестьянского» воспроизводства феодального общества. В свою очередь сложившаяся в России, особенно в ее центральных районах, жесткая сословно-перархическая система землевладения «узаконошила» эти волости-общины, превратив их в своеобразные сословные корпорации, типа посадских черных миров, объединяющих городских ремесленников и торговцев, обязанных нести основную тяжесть государственных повинностей и налогов. Это государственное «устройство» черной волости (в той или иной степени характерное и для организации свободных крестьянских общин XIII—XV вв. в Западной Европе), происшедшее в России уже в московский период (примерно с XIV в.), по моему мнению, и служит основанием для ошибочного истолкования черного крестьянского землевладения лишь как разновидности феодальной (княжеской) собственности, а самого Московского государства — как великокняжеской вотчины.

Вне указанных особенностей развития черной волости невозможно по существу понять и ее роль в процессе той аграрной перестройки, которая произошла в России в XV—XVI вв. Дело в том, что охватившее в это время большинство районов страны — и особенно города — развитие товарно-денежных отношений не могло не оказывать прямого влияния и на судьбы черного крестьянства; а именно черное землевладение XV—XVI вв. в силу

своей антисеньориальной природы и максимальной (по условиям того времени) свободы от феодальной зависимости было как раз той средой, в недрах которой наиболее рано и наиболее быстро развивается мелкотоварное крестьянское хозяйство. Как видно на примере работ С. В. Бахрушина, А. А. Введенского, А. А. Савича, Н. В. Устюгова, К. Н. Сербиной, А. И. Копанева, Р. Б. Мюллер, Д. П. Маковского, А. А. Преображенского, а также моих собственных исследований (я имею в виду монографию «Становление сословно-представительных учреждений в России»), в области землевладения это находит свое выражение в появлении сельских крестьян-богатеев, которые в своей хозяйственной деятельности идут уже по новому пути. Они ведут широкую торговлю сельскохозяйственными товарами, а получаемые от этого капиталы вкладывают как в сельское хозяйство, так и в промыслы и торговлю, сравнительно широко используют в своем хозяйстве труд волостной бедноты, половников (= арендаторов-издольщиков) и наемных работников — «трудников» и «казаков». Социальная дифференциация в среде черносопных крестьян резко увеличивается. А многие крупные села XVI в., особенно связанные с солеварением, вообще превращаются в торгово-ремесленные поселения посадского типа.³⁸

³⁸ Н. Е. Носов. Становление сословно-представительных учреждений в России. Гл. III. Л., 1969. Здесь же дается разбор новейшей литературы по данной проблеме. Из последних исследований, специально касающихся отмеченной эволюции в истории северного черносопного крестьянства XV—начала XVI в., помимо уже названных выше работ А. И. Копанева (см. с. 66), еще раз хочется привлечь внимание исследователей к соответствующим разделам коллективного труда «Аграрная история Северо-Запада России. Вторая половина XV—начала XVI в.», особенно к главам: «Заонежские погосты Обонежской пятины» (Р. Б. Мюллер) и «Двина в конце XV—начале XVI в.» (А. И. Копанева и Ю. С. Васильева). Значительный интерес представляет и особая глава книги — «Крестьянские промыслы в Северо-Западной России в конце XV—начале XVI в.» (К. Н. Сербиной). Следует назвать и новую специальную монографию К. Н. Сербиной «Крестьянская железоделательная промышленность Северо-Западной России XVI—первой половины XIX в.» (Л., 1971). Большой материал о крестьянских промыслах в России XVI в., в том числе на черносопном Севере (в Поморье и Приуралье), содержит монография В. И. Заозерской «У истоков крупного производства в русской промышленности XVI—XVIII веков. К вопросу о генезисе капитализма в России» (М., 1970). Правда, в отличие от большинства вышеназванных авторов, В. И. Заозерская считает невозможным говорить о зарождении буржуазных связей в России уже в XVI в. По ее мнению, капиталистические отношения в русской промышленности более или менее явно проступают не ранее середины XVII в. Но даже материал, приводимый самой В. И. Заозерской, говорит о другом, а именно, что рассматриваемый автором процесс, особенно в сфере мелкотоварной (посадско-крестьянской), был более длительным, протекал крайне неравномерно и первые его зачатки (и не только зачатки) уходят еще в XVI в. и даже конец XV в. Что же касается второй половины XVII—XVIII в., то это время в социально-экономическом плане во многом более консервативно (имею в виду крепостничество), чем предшествующий период, во всяком случае до опричнины Ивана Гроз-

Наиболее паглядную иллюстрацию этого процесса дает развитие черных волостей русского Поморья, являвшегося в XVI в. одной из наиболее развитых областей России, районом, превратившимся после ликвидации здесь новгородских боярщин в край почти сплошного черносошного землевладения. По занимаемой территории поморские земли охватывали почти половину России XVI в.

Здесь мы находим крестьян, которые уже в середине XVI в. не только владели десятками деревень, но и были одновременно крупными промышленниками и купцами. Например, двинские черные крестьяне (в прошлом «своеземцы») Амосовы владели 30 деревнями, раскинутыми в округе почти на 500 верст, имели свои варницы, рыбные ловли и другие промыслы, на которых работали как их половники, так и наемные работники. Такими же богатеями-землевладельцами были двинские, важские и устюжские черные крестьяне (а позднее посажане) Босые, Дудины, Грудцыны, Губины, Кобелевы, Кологривовы, Косицыны, Макаровы, Шуйгины, Поповы, Савины и др. Многие из них, как показывает проведенное мною изучение истории хозяйственной деятельности их семей на протяжении почти двух столетий, становятся в дальнейшем крупными купцами и промышленниками. Достаточно сказать, что из среды именно таких двинских крестьян-богатеев конца XV в. вышли знаменитые русские промышленники и купцы Строгановы. Любопытно, что именно из этих двинских крестьян («торговых мужиков»), а отнюдь не из представителей столичного именитого купечества, была сформирована царем Иваном IV первая русская торговая делегация в Англию, которая отправилась туда в 1556 г. вместе с капитаном Ричардом Ченслером.

История процесса обуржуазивания русского крестьянства, конечно, особый вопрос, требующий более широких опосредствований и доказательств, но важно констатировать сам факт, что начальным источником этого процесса и была частная собственность черносошных крестьян на землю, которая уже в XVI в. приобретала черты ранне-буржуазной собственности.

Вряд ли можно сомневаться, что подобный процесс имел место, хотя, может быть, и не в столь значительных размерах, и среди черносошного крестьянства центральных районов России.³⁹

ного и вызванного ею крепостнического законодательства конца XVI в. Поэтому представляется, что В. И. Заозерская в поисках наиболее типичных форм первоначальной промышленной капитализации не всегда учитывает специфические условия экономического развития феодальной России XV—XVI вв., особенно ее аграрного развития. Но этот вопрос уходит уже в иную сферу исследования, требует иных доказательств.

³⁹ Вопрос о двух тенденциях в развитии социально-экономического строя России XVI в. был поставлен в дискуссионном порядке еще в 1967 г. в связи с изучением земельной реформы Ивана Грозного (Н. Е. Носов. Собор «примирения» 1549 г. и вопросы местного управления (на пере-

Все это говорит о том, что в России конца XV—XVI в., как и в ряде стран Западной Европы, были потенциальные возможности для развития крестьянского землевладения фермерского типа, имеющего уже буржуазные тенденции, но развитие поместной системы, особенно активизировавшееся в годы опричнины, когда почти все черные земли центра были розданы в поместья, подорвало этот процесс. Аграрное развитие России пошло по иному пути: товарно-денежные отношения на русской почве не превратили зажиточное крестьянство в фермеров-предпринимателей (слишком велико было противодействие господствующего феодального класса), а, наоборот, ускорило процесс консолидации и расширение базы феодального землевладения в виде поместной системы с барщиной и крепостным трудом. Но именно это крепостное поместье в силу своей внутренней хозяйственной организации, крайне слабо стимулирующей рост инициативы и эффективности крестьянского труда (а следовательно, и общее развитие производительных сил в деревне), очень скоро — примерно с середины XVII в. — становится тормозом экономического развития России и далеко не только в области ее аграрного развития. Резко затормозило закрепощение крестьянства и рост русской торговли, промышленности и городов. Но это уже иные процессы, далеко выходящие за рамки моей непосредственной темы — изучения основных тенденций развития феодального землевладения в России XV—XVI вв.

Итак, даже уже приведенные данные позволяют говорить, что в XV—XVI вв. в сфере феодального землевладения и хозяйства России наблюдается, как и в Западной Европе, процесс зарожде-

---

путь к земским реформам). — В кн.: Внутренняя политика царизма (Середина XVI—начало XX в.). Л., 1967, с. 5—7), и поэтому я не могу не выразить удовлетворения, что специальное изучение аграрной истории Северо-Западной России конца XV—XVI в., проведенное ленинградскими аграрниками под руководством А. Л. Шапиро, уже сейчас в значительной степени подтверждает мои предположения. (К сожалению, эта работа вышла из печати в 1971 г. — уже после моего доклада на V Международном конгрессе экономической истории в Ленинграде в 1970 г.). Во всяком случае авторы так формулируют выводы I тома: «В конце XV в. явственно определились два пути развития феодального сельского хозяйства. *Первый путь* — путь без помещика (или частного вотчинника), без крепостного права». «Этот путь способствовал развитию крестьянской хозяйственной инициативы, развитию денежности крестьянского хозяйства, развитию расслоения крестьян. В перспективе он несомненно должен был привести к более быстрому переходу к капитализму. Этот путь намечался на государевых оброчных землях». «*Другой путь* означал укрепление и расширение поместного и вотчинного землевладения, постепенную ломку традиционных невысоких размеров обложения крестьян, увеличение уровня эксплуатации и связанного с ним закрепощения. Этот путь неминуемо приводил к сковыванию хозяйственной инициативы производителя, развитию барщины, задержке темпов экономического развития» (Аграрная история Северо-Запада России. Вторая половина XV—начало XVI в., с. 372—373. Курсив мой, — Н. Н.).

ния раннебуржуазных связей и приспособление к ним аграрного строя страны, и в первую очередь феодального землевладения. В России это нашло свое выражение в борьбе двух тенденций: крестьянской и феодальной. Победила феодальная реакция. Россия стала крепостническим государством. И все же это было началом великой борьбы русского крестьянства против феодального гнета за освобождение русского народа от оков самодержавия и крепостничества.